

Ю. А. Яроцкая

История православного перевода Библии в Японии

История христианства в Японии претерпела несколько этапов развития: от восторженного принятия новой религии японцами до полного ее запрета в 1639 году. В 1637 году, доведенные до крайности непосильными налогами, христиане о. Кюсю, возглавляемые ронином (самураем, лишившемся своего господина), подняли бунт, известный как Симабарское восстание. Вскоре после разгрома восстания была введена система обязательной ежегодной регистрации всех японцев в буддийских приходах (так называемых «домашних храмах»), которая гарантировала непринадлежность членов этих приходов христианской Церкви¹. Со времени Симабарского восстания на христианскую религию легло новое нареkanie, что она учит сопротивлению властям, и должна быть запрещена. Последние запретительные эдикты японских правителей против христианства содержали такие выражения: «Пока солнце восходит с Востока, христианский проповедник не явится более в стране»; «... хоть бы сам Бог христианский пришел в Японию, — и ему голова долой»².

¹ *Николай-до: Святитель Николай Японский. Краткое жизнеописание. Выдержки из дневников / Сост., расшифровка текста и коммент: А.Чех. — СПб.: Библиополис, 2001. — С. 15*

² *«Я здесь совершенно один русский...» / Публ. послесл. Письма Ревельского епископа Николая (Касаткина) из Японии. — СПб.: Издательский дом «Коло», 2002. — С.138.*

В 1855 году в северояпонском городе Хакодате было открыто первое русское консульство, которое возглавил И. А. Гошкевич. При содействии консула в 1859 году в Хакодате была построена консульская церковь Воскресения Христова. Среди местного населения, замороженного его непривычным колокольным звоном, храм был известен как «Ганган дэра» («Храм бом-бом»). В его внутреннем убранстве византийский иконостас сочетался с соломенными циновками татами, устилавшими пол, почти как в буддийском храме¹. Настоятелем церкви стал протоиерей Василий Махов. Однако у пожилого священника прогрессировала болезнь сердца, и он был возвращен в Россию для лечения².

История русской миссии в Японии открывается прибытием в Хакодате³ в 1861 году в качестве настоятеля храма при русском консульстве иеромонаха Николая Касаткина (1836-1912). Архиепископ Николай, создатель и первоиерарх Японской церкви, почивший в 1912 году, был причислен к лику святых 31 марта 1970 года, как равноапостольный святитель, просветитель всея Японии. Он первый святой ныне автономной Японской Православной Церкви.

Святитель Николай прибыл в Японию в весьма трудное время. Христианская проповедь была запрещена законом под угрозой смертной казни. По замечанию архиепископа Николая, «японцы смотрели на христиан, как на зверей, а на само христианство, как на злодейскую секту, к которой могли принадлежать лишь отъявленные чародеи и злодеи»⁴.

¹ Кузнецов, С. *Русские на Хоккайдо* / С. Кузнецов // *Проблемы Дальнего Востока*. – 2009. – № 4 – С. 146-147.

² Бесстремьянная, Г. Е. *Христианство и Библия в Японии* / Г. Е. Бесстремьянная – М., 2006. – С. 129-130.

³ Хакодате – торговый город Японии, расположенный на юго-западе о. Хоккайдо.

⁴ Сергей (Страгородский), архим. *По Японии (записки миссионера)* / С. Страгородский. – М.: Крутицкое Патриаршее Подворье, 1998. – С. 194-195.

Результатом миссионерской деятельности Николая Японского явилось создание не только национальной Японской Православной Церкви, но и первого православного перевода Евангелия и богослужебной литературы на японский язык. Святителю Николаю удалось осуществить перевод Священного Писания, который был сопряжен с рядом некоторых проблем.

Первое с чего начал святитель Николай, приехав в Японию, это углубленное и тщательное изучение японского языка, как разговорного, так и книжного. В 1907 году архиепископ Николай в Токио перед собранием тысячи слушателей произнес двухчасовую речь, которая была несколько раз прерываема рукоплесканиями, когда святитель пользовался примерами и сравнениями, с точки зрения японцев, неизвестными европейцу. Японская печать отмечала, что архиепископ Николай знает Японию лучше самих японцев¹.

Своему собеседнику и другу Д. Позднееву, прожившему в Японии в течение 5 лет, святитель Николай говорил: «Я не из гордости говорю, но по глубокому сознанию, что в действительности теперь могу лучше всякого другого заниматься переводом богослужебных книг»².

Отец Николай начал с перевода богослужений воскресного круга, Цветной Триоди, Постной Триоди. Одновременно шел перевод Евангелия. Из Ветхого Завета были переведены все части для годового круга богослужения³.

О трудности изучения японского языка Николай Японский писал в своем дневнике: «Много было потрачено времени и труда, пока я смог присмотреться к этому варварскому языку, положительно труднейшему в свете, так как он состоит из двух: природного японского и китайского, перемешанных между собою, но отнюдь не слившихся в

¹ Святитель Николай Японский. *Краткое жизнеописание, дневники 1870-1911 гг.* – СПб.: Библиополис, 2007. – С. 195.

² Сергей (Страгородский), архим. *По Японии (записки миссионера)*. – С. 211.

³ Сергей (Страгородский), архим. *По Японии (записки миссионера)*. – С. 211-212.

один. Недаром когда-то католические миссионеры писали, что японский язык изобретен самим дьяволом с целью огрaдить Японию от христианских миссионеров»¹.

Святитель Николай всегда считал, что в переводческих трудах заключается вся суть деятельности миссии, и в настоящее время работа миссии, в какой бы то ни было стране, не может ограничиваться одной устной проповедью. По словам святителя, времена Франциска Ксавье², бегавшего по улицам с колокольчиком и сзывавшего таким путем слушателей, прошли. «В Японии же, – пишет святитель, – при любви населения к чтению и при развитии уважения к печатному слову, верующим и оглашаемым, прежде всего, нужно давать книгу, написанную на их родном языке, непременно хорошим слогом и красиво, и дешево изданную»³.

Архиепископ Николай подчеркивал, что «не перевод Евангелия и Богослужения должен опускаться до уровня развития народной массы, но наоборот, верующие должны возвышаться до понимания евангельских и богослужебных текстов. Язык вульгарный в Евангелии недопустим. Если мне встречаются два совершенно тождественных иероглифа или выражения, и оба они для японского уха и глаза одинаково благородны, то я, конечно, отдам предпочтение общераспространенному, но никогда не делаю уступок невежеству и не допускаю ни малейших компромиссов в отношении точности переводов, хотя бы мне и приходилось употребить и очень малоизвестный в Японии китайский иероглиф. Я сам чувствую, что иногда мой перевод для понимания требует большего напряжения со стороны

¹ Накамура, Кэнносукэ. *Св. Николай – один из первых японистов России / Кэнносукэ Накамура // Япония сегодня.* – 2004. – № 11. – С. 7.

² Франциск Ксавье (1506–1552) – первый католический миссионер в Японии.

³ *Святитель Николай Японский. Краткое жизнеописание, дневники 1870-1911 гг.* – С. 36-37.

японцев. Но это в значительной мере объясняется новизной для них самого православия»¹.

До православного перевода Евангелия в Японии уже существовали католические переводы Нового Завета на китайский язык. Именно поэтому святитель Николай и начал перевод Нового Завета не со славянского текста, а с китайского: «...инстинктивно и я научился, наконец, кое-как говорить и овладел тем, самым простым и легким, способом письма, который употребляется для оригинальных и переводных ученых сочинений. С этим знанием немедленно же приступил к переводу Нового завета на японский – переводу не с русского: отыскивать китайские знаки для каждого русского слова – труд далеко еще не под силу мне, да и бесполезный, – а с китайского, дело, по-видимому, легкое: японец, хорошо понимающий китайскую книгу, переводит Евангелие на японский, причем почти каждое слово выражено не китайским знаком, но около него поставлено японское чтение, а затем все грамматические формы выражены также японскими фонетическими знаками. Мое дело было – с другим ученым японцем проверять и исправлять перевод. Работа шла очень быстро, пока я, постепенно знакомясь с китайским текстом, не дошел до окончательного разочарования в авторитетности его»².

Первый перевод Евангелия на японский язык был осуществлен епископом Николаем и его помощником Павлом Накаи в 1889 году по китайскому тексту Нового Завета Американского Библейского Общества 1852 года и переводам Русской Духовной Миссии в Китае. Все имена собственные передавались японской азбукой согласно славянскому Евангелию, а не Вульгате³ и Библии короля Иакова¹,

¹ *Святитель Николай Японский. Краткое жизнеописание, дневники 1870-1911 гг.* – С. 38.

² *Бесстремянная, Г. Е. Православный перевод священного писания на японский язык / Г. Е. Бесстремянная // Церковь и время.* – 2005. – № 2 (31). – С. 127.

³ Самый ранний перевод Ветхого Завета на латинский язык был сделан в I-II веках по Р. Х. В 386-405 годах его пересмотр предпринял блаженный Иероним (347-419), создавший так называемую

как в исходном американском переводе. Эта работа епископа Николая и Павла Накаи была написана одними китайскими иероглифами². Первый православный Новый Завет на японском языке был издан двумя книгами: большего формата для богослужебного пользования и малого формата для чтения мирянами.

Перевод этот не был совершенным. Невольно заимствовались богословские эквиваленты согласно интерпретации американских протестантов, а использование лишь китайских иероглифов делало текст непонятным на слух. Для восприятия смысла необходимо было визуально представлять написание самих иероглифов. Поэтому спустя шесть лет епископ Николай приступил к работе по собственному переводу Евангелия³.

Святитель Николай считал, что Священное Писание нужно переводить так, чтобы при сохранении стиля и смысла оригинала «каждое слово доходило до ума и души слушателя и читателя»⁴. Нужно было выбрать не только адекватную лексику, но и грамматику. Основная проблема заключалась в том, что в Японии конца XIX века многие крестьяне говорили на диалекте своей «земли», и с трудом понимали соседей, живущих в других населенных пунктах. Поэтому святитель Николай выбрал язык «бунго» – официальный книжный и письменный язык знати и дворянства. «Бунго» сформировался во многом под воздействием китайской лексики и грамматики. Благодаря использованию китайской лексики можно было передавать достаточно сложные и содержательные тексты, и при чтении

Вульгату (Vulgata, то есть народная). Вульгата включает в себя не только Ветхий, но и Новый Завет.

¹ Перевод Библии на английский язык, выполненный под патронажем короля Англии Иакова I и выпущенный в 1611 году.

² Бесстремянная, Г. Е. *Христианство и Библия в Японии*. – С. 187.

³ Бесстремянная, Г. Е. *Православное слово в Японии* / Г. Е. Бесстремянная // *Церковь и время*. – № 1 (34). – 2006. – С. 183-184.

⁴ Бесстремянная Г. Е. *Православный перевод священного писания на японский язык*. – С. 129.

звучание иероглифов адаптировалось в соответствии с японской фонетикой¹.

Святитель Николай очень внимательно относился к выбору конкретных грамматических форм «бунго», консультируясь со многими специалистами и анализируя грамматику и тесты литературных памятников. Он отказался от простонародных глагольных форм прошедшего времени «орэри», «кэри» и «кэрува»², долго анализировал необходимость повтора послелога «то» после последнего из перечисляемых существительных, употребление вопросительных частиц «ка» и «я» после формы на «си» и так далее.³

Главные трудности при переводе были связаны с тем, что многие иероглифы японского языка использовались буддистами и синтоистами. Это придавало им определенный смысловой оттенок, делавший невозможным их употребление в православном контексте. Все термины, касающиеся буддийского абсолютного существа как безличного, нирваны, детерминистического определения человеческой воли, составляли особую проблему, так как совершенно расходились с православным представлением о личном Боге, рае, свободной воле человека⁴. Таким образом, переводчикам приходилось изобретать совершенно новые слова, прибегать к редким чтениям иероглифов или использовать не столь распространенные их сочетания. Благодаря такой деятельности создавались новые лексические единицы.

В переводе Евангелия святителя Николая в одних случаях наблюдается замена слов и понятий на синонимичные. Например, «хлеб» в молитве «Отче наш» заменяется на

¹ Бесстремянная Г. Е. *Переводы христианских текстов на японский язык* / Г. Е. Бесстремянная // *Религиоведение*. – 2008. – №3. – С. 17.

² Глагольные формы древнеяпонского языка (VII-XIII века).

³ Бесстремянная, Г.Е. *Переводы христианских текстов на японский язык*. – С. 17.

⁴ Позднеев, Д. М. *Архиепископ Николай Японский* / Д. М. Позднеев. – СПб.: Синодальная тип., 1912. – С. 16.

«*пищу*» – *катэ* (иероглиф с корнем «рис»); «*целовать дом*» в напутствии посылаемым на проповедь апостолам переводится как «*спрашивать о здоровье*» (*ан-о тоу*). В других случаях используется буквальный перевод (это касается метафор, ставших устойчивыми выражениями–поговорками). Например, употребляется «*метать бисер перед свиньями*», а не аналогичное по смыслу японское выражение «*бросать золотые монеты кошке*»¹.

Интересен перевод понятия «Слово» – *котоба*, которому был дан православный смысл. В протестантских и католических текстах в качестве перевода Бог-Слово использовался китайский термин «Дао», или «Мити» («путь, дорога»), что могло вызвать буддийские или синтоистские мистические ассоциации, несвойственные христианству².

Самым известным лексическим нововведением святого Николая стало создание нового иероглифа для слова «Дух». Иероглиф 神 – «ками» («бог, дух») обозначал синтоистские божества. Архиепископ использовал тот же иероглиф, но поставил ему в соответствие чтение «син» – 神O, и теперь иероглиф обозначал понятие «Дух». «Утром обычное дело исправления перевода Нового Завета. Дошли до слова “дух”, труднейшее из слов во всем Новом Завете, и не знаешь, что делать; употребить ли старое, давно вышедшее из употребления начертание “син”, которого не найти ни в каких лексиконах... но это значило бы посадить мумию среди живых; сочинить ли новый иероглиф... но это значило бы посадить самодельную куклу среди живых. Кажется, самое лучшее – употребить тоже “син”, но с кружком, который бы обозначал, что разумеется “дух” (син), а не Бог (ками)»³.

¹ Бесстремьянная, Г. Е. *Христианство и переводы Библии в Японии* / Г. Е. Бесстремьянная // *Альфа и Омега*. – 2006. – № 2 (46). – С. 135-136.

² Бесстремьянная, Г. Е. *Христианство и переводы Библии в Японии*. – С. 135-136.

³ Бесстремьянная, Г.Е. *Православный перевод священного писания на японский язык*. – С. 131.

Интересен перевод на японский язык отдельных слов. Так, например, «книжник» был переведен как «законник», или «учитель, ученый»; «язычник» – «беззаконный». Вместо «йота» используется японское слово, связанное с традиционной каллиграфией, которое можно перевести как «черта, пункт, штрих»¹.

Особую проблему составлял перевод термина «грех» (цуми): «“Цуми-зай” значит “преступление”, за которое следует посадить в тюрьму; оттого-то китаец, да японец, не может понять, за что миссионер его укоряет, когда он не совершил ничего такого, за что бы мог опасаться тюремного заключения; как далеко от этого грубого понимания христианское понятие душевной порчи и растленного состояния»².

Востоковед Д. Позднеев приводит текст письма к американскому миссионеру Джеффрису. В этом письме протестантский епископ в Киото просит прислать ему партию книг, переведенных архиепископом Николаем и среди них перевод Евангелия в 50 экземплярах. «Что бы ни говорили о переводах архиепископа Николая, – пишет епископ, – но не может подлежать никакому сомнению, что его перевод книги Деяний Апостольских и Евангелия от Иоанна незримо выше всех существующих»³.

Последние 30 лет работы святителя к нему ежедневно входил сотрудник – Иван-сан, садился с ним рядом и начинал писать переводы. Работа длилась с 6 до 10 часов вечера, за исключением дней вечернего богослужения и праздников, при закрытых для всех дверях кельи, которые открывались лишь для безмолвного слуги Ивана-сан, подававшего чай⁴.

¹ Бесстремьянная, Г. Е. *Православный перевод священного писания на японский язык*. – С. 131.

² Бесстремьянная, Г. Е. *Христианство и Библия в Японии*. – С. 184.

³ Позднеев, Д. М. *Архиепископ Николай Японский*. – С. 17.

⁴ Ермакова, Л. М. *Вести о Япан-острове в стародавней России и другое* / Л. М. Ермакова. – М.: Языки славянской культуры, 2005. – С. 211.

Из письма 18 сентября 1906 года к митрополиту Макарию (Невскому): «... я занят, преимущественно, переводом богослужения. Ныне идет 4-й глас Октоиха; переводится целиком все, что есть в славянском тексте. И вот тут-то видишь, как необходим перевод богослужения на русский, или, по крайней мере, – переведение славянского текста в удобопонятный вид. Иногда над одним стихом прстоишь полчаса и более, чтоб только уразуметь смысл его, а получается, сколько не бейся, совсем не поймешь, а заменишь непонятное своим измышлением, какое Бог пошлет на ту пору. Одним из неотложных дел Собора должно быть назначение комиссии для исправления богослужебного текста, да только не затяжной Комиссии, которая бы тянулась на сотню лет»¹.

Результатом трудов по переводу архиепископа Николая был особый, выработанный им на японском языке богословский православный словарь. Термины святителя Николая были точным переводом славянских и греческих слов. Архиепископ Николай никогда не допускал вульгарного упрощения переводов. Он предпочитал, чтобы верующий с некоторым усилием постиг правильный, хотя и более трудный текст перевода.

Сейчас Японская Православная Церковь пользуется переводом Нового Завета 1901 года, осуществленным епископом Николаем и Павлом Накаи. Эта толстая книга большого формата написана вертикальным японским письмом и содержит свыше восьмиста страниц. Чтения иероглифов подписаны катаканой, наиболее употребительной в то время японской азбукой для обозначения фонетических звучаний. Существует другое издание этого же текста, где чтения надписаны знаками другой японской азбуки – хираганы².

¹ «Я здесь совершенно один русский...». – С. 64.

² Бесстремянная, Г.Е. *Переводы христианских текстов на японский язык.* – С. 18.